

В. С. ДЯКИН

Николай, Александра, Распутин и Камарилья*

Анализируя особенности государственного и социального строя России после революции 1905 г. и столыпинских реформ, В. И. Ленин подчеркивал, что «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и “бюрократии”, от Николая II до любого урядника»**.

В последние месяцы существования самодержавия его независимость и самостоятельность обернулись изоляцией, когда не только буржуазия, но даже значительная часть дворянства отшатнулась от царя в тщетной попытке предотвратить этим надвигающуюся революцию. Но чем «самостоятельней» становился царизм, чем судорожней становились его действия в борьбе против приближавшегося краха, тем большее влияние на политику правящей верхушки оказывали личные качества Николая и его ближайшего окружения. И не учитывая это обстоятельство,

* Впервые: Николай, Александра, Распутин и Камарилья // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. 1995. №. 3. С. 148–164. (Статья представляет собой целый «блок» из монографии «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917)» (Л., 1967), до 1995 г. полностью не публиковавшийся). Печатается по этому изданию.

Дякин Валентин Семенович (1930–1994) — ленинградский (петербургский) исследователь, доктор исторических наук. В 1955–1958 гг. — научный сотрудник Института истории Академии наук СССР, с 1958 г. — научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (с 1992 г. — СПб ФИРИ РАН). Специализировался на изучении экономической и политической истории России конца XIX — начала XX в., а также на истории Германии 1920-х гг.

** Ленин В. И. Соч. Изд. 4. Т. 17. С. 322.

трудно, а иногда и невозможно, понять смысл происходивших событий. Необходимо поэтому остановиться на характеристике последних Романовых и тех, кто стоял рядом с ними.

Когда началась война, Николаю II исполнилось 46 лет. Человек неглупый и воспитанный, он, тем не менее, всю жизнь оставался ограниченным и во многом невежественным. Французский посол в России Морис Палеолог в своих воспоминаниях приписал бывшему российскому премьеру гр. В. Н. Коковцову такую характеристику Николая: «Его образование недостаточно, и величие задач, решение которых составляет его миссию, слишком часто выходит из пределов досягаемости его понимания. Он не знает ни людей, ни дел, ни жизни. Его недоверие к себе самому и к другим заставляет его остерегаться всякого превосходства. Таким образом, он терпит вокруг себя лишь ничтожества. Наконец, он очень религиозен, узкой и суеверной религиозностью»*.

Поставленный случайностью рождения во главе огромной империи, Николай оставался маленьким человеком, в котором претензии самодержца всероссийского сочетались с привычками помещика средней руки. События мирового значения проходили перед ним, оставляя его равнодушным и непонимающим. В начале второго года войны он объявил себя Верховным главнокомандующим русской армии и большую часть времени проводил в Ставке. Но все «командование» его заключалось в том, что он на два часа в день приходил в штаб, где начальник штаба представлял бумаги на подпись. Остальное время он проводил за теннисом и разговорами с придворными**, разговорами, в которых упоминание о политике считалось дурным тоном***. В письмах из Ставки к жене — императрице Александре Федоровне — он с нескрываемым интересом обсуждал просмотренный кинофильм о «тайнственной руке»**** и жаловался, что ему «очень не хватает 1/2-часового пасьянса каждый вечер»*****. Впрочем, он возмещал эту потерю игрой в домино, и даже 26 февраля 1917 г. (здесь и дальше все даты по старому стилю), когда в Петрограде уже

* Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 183.

** РОРГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9 // Дневник З. В. Араповой (жены адъютанта ген. Гурко). Л. 9.

*** Падение царского режима. Л., 1926. Т. 6. С. 396.

**** Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 167.

***** Там же. С. 213.

происходила революция, Николай, ни словом не обмолвившись в своем дневнике об этих событиях, с удовлетворением записывал: «Вечером поиграл в домино»*. Кстати, о многих событиях Николай попросту не знал. Александра долго добивалась от него, чтобы он принял меры против одного политического деятеля, допустившего не понравившиеся ей заявления, пока, наконец, Николай не ответил ей, что не предпринял ничего, «потому что не знаю, кто он и что он сказал. Ведь я здесь газет не читаю»**.

Равнодушие, за которое Николая не любили его придворные («равнодушно устранил человека, которого недавно ласкал»***), исчезало, когда Николай чувствовал чье-то превосходство над собой. Таких людей он не терпел и старался отдалить от себя. Отсюда шла его неприязнь, даже ненависть к крупнейшим государственным деятелям его царствования, оплотам монархии — С. Ю. Витте и П. А. Столыпину. Эта ненависть доходила до такой степени, что Николай откровенно радовался смерти Витте. «На этот раз, — писал он Александре 28 февраля 1915 г., — я уезжаю с таким спокойствием в душе, что сам удивляюсь. От того ли это происходит, что я беседовал с нашим Другом (Распутиным. — В. Д.) вчера вечером, или же... от смерти Витте... я не могу сказать, но в сердце царит истинно пасхальный мир»****.

Боязнь сильных людей проистекала оттого, что Николай был слабоволен и знал эту черту за собой. «Государь, — вспоминал о нем А. Н. Наумов, несколько месяцев занимавший пост министра земледелия, — был человеком слабой воли, подпадавшим под влияние того, кто говорил»*****. Мнение того, кто говорил с Николаем последним, могло оказаться решающим, и потому никогда нельзя было быть уверенным в его обещаниях. «Разве на него можно надеяться, — сетовал даже всемогущий Распутин. — Он может изменять каждую минуту, он несчастный человек, у него внутри недостает»6*. Постоянная боязнь попасть под чье-то влияние вела к недоверию, которое он питал к большинству министров, к желанию иметь особого личного «сверхсоветника», в чьей

* Дневник Николая II // Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 135.

** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 205.

*** Падение царского режима. Т. 4. С. 8.

**** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 116.

***** Падение царского режима. Т. 1. С. 343.

6* Там же. Т. 2. С. 55.

бескорыстной и личной преданности Николай в это время был почему-либо уверен. На такую роль попадали люди самые неожиданные, вроде некоего Клопова, которого Николай как-то послал обследовать Россию и который потом всю жизнь присылал царю разные записки*, или вроде Н. А. Демчинского, изобретателя неудачного способа предсказания погоды**.

Немудрено, что этот слабый, неспособный к управлению государством «самодержец» быстро попал под влияние человека, чья воля превосходила его волю, а интересы совпадали с его интересами. Этим человеком была его жена. Придворный историограф генерал Д. Н. Дубенский, близко наблюдавший Николая и Александру, говорил в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Государь был в полном подчинении. Достаточно было их видеть четверть часа, чтобы сказать, что самодержцем была она, а не он. Он на нее смотрел, как мальчик на гувернантку, это бросалось в глаза»***.

Принцесса Алиса Гессенская, внучка английской королевы Виктории, стала в 1894 г. русской императрицей Александрой Федоровной. Сухая и надменная принцесса была холодно встречена русским двором и замкнулась в себе****, постепенно оттолкнув от царской семьи даже ближайших родственников Николая. В течение многих лет она и Николай тщетно ожидали рождения наследника, тогда как у них рождались, как острили злые языки, только «мальчики женского пола». Неудачная семейная жизнь способствовала развитию и без того сильной склонности к мистицизму, и к царскому двору потянулись шарлатаны, обещавшие утешение и исцеление. Один из них, некий француз Филипп, в 1902 г. «предсказал» рождение сына, и сообщение о мнимой беременности императрицы попало в печать. Когда заблуждение стало очевидным, «объявление об этом было сделано в “Правительственном вестнике” весьма бестолково, так что во всех классах населения распространялись самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила урода с рогами, которого

* См.: Там же. Т. 5. С. 370; Родзянко М. В. Крушение империи. Л., 1929. С. 148.

** Труфанов И. Тайны дома Романовых. М., 1917. С. 22.

*** Падение царского режима. Т. 6. С. 382.

**** Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложение самодержавия // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 127.

пришлось придушить и т. п.»*. Когда же в 1904 г. появился на свет царевич Алексей, он оказался больным гемофилией (несвертыванием крови), наследственным недугом Гессенского дома. Постоянная боязнь за сына еще больше усугубила религиозный фанатизм Александры. Хорошо знавший ее А. Н. Хвостов, выдвинутый ею на пост министра внутренних дел, говорил позднее, что Александра «производила впечатление очень умной и блестящей. Но до того момента, пока не касалось вопроса религиозного»**. В этом вопросе она быстро впитала в себя самые примитивные, самые суеверные стороны православного вероучения, опустившись (вместе с Николаем) до того уровня, на котором находились их самые темные и невежественные подданные. Она верила в «видение-знамение» креста, якобы появившегося в небе во время крестного хода, и только сомневалась, всегда ли эти знамения бывают к добру***, и в икону с колокольчиком, «который предохраняет меня от злых людей и препятствует им приближаться ко мне»****. Эту икону ей подарил оскандалившийся предсказатель Филипп, которого за неблаговидные денежные дела пришлось выслать из России, что не помешало Александре до конца своих дней верить в святость ее первого «Друга». Точно так же она верила, что гребешок второго «друга» — Распутина — приносит помощь, если «расчесывать волосы перед всяким трудным разговором или решением»*****, и специально напоминала об этом Николаю, готовя его к одному из заседаний Совета министров^{6*}.

И тем не менее Александра, особенно в последние два года царствования Николая, оказывала огромное влияние на дела государства, вмешиваясь в назначения министров и других должностных лиц, прямо диктуя Николаю, как он должен себя вести. Нам придется говорить об этом в соответствующих разделах книги^{7*}, но уже здесь можно сказать, что все письма Александры к Николаю заполнены постоянными указаниями о необходимости убрать или назначить тех или иных министров,

* Дневник А. А. Половцева // Красный архив. 1923. № 3.

** Падение царского режима. Т. 1. С. 33.

*** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 232.

**** Там же. С. 220.

***** Там же. С. 256.

^{6*} Там же. С. 352.

^{7*} Здесь и далее речь идет о книге В. С. Дякина «Русская буржуазия в годы Первой мировой войны» (Л., 1967). — *Примеч. ред.*

«список подходящих имен» которых она подготавливала*, и указаниями проблем, о которых Николаю полагалось разговаривать с министрами и которые он, чтобы не забыть, должен был предварительно записать на «клочке бумаги»**. Николай воспринимал все это как должное и только «нежно благодарил» за «точные инструкции»***. Но сама Александра в минуты просветления понимала, насколько нарушает традиции и роняет авторитет Николая ее вмешательство. Тогда она сердилась на газеты, сообщавшие о визитах министров к ней**** или предупреждала Николая: «только... ради Бога не упоминай моего имени — это должно быть твоим мудрым желанием»*****.

Влияние Александры на Николая основывалось на его привязанности лично к ней и сыну и на общей идее, которую они отстаивали всеми силами и средствами, — идее самодержавности русских царей. В этом вопросе между ними не было разногласий. «В день своей коронации, — говорил в декабре 1916 г. Николай в ответ на уговоры великого князя Павла Александровича дать конституцию, “пока еще не поздно”, — я присягал самодержавию и я должен передать эту клятву нерушимой своему сыну»6*. А когда в том же декабре английский посол Дж. Бьюкенен тоже попытался уговорить Николая предотвратить революцию, назначив министров, пользовавшихся «доверием страны», Николай высокомерно ответил ему: «Вы мне говорите, господин посол, что я должен заслужить доверие моего народа. Не следует ли скорее народу заслужить мое доверие?»7*. По утверждению некоторых деятелей царского режима, Александра в первые годы после приезда в Россию была настроена в пользу некоторых конституционных уступок, но быстро прониклась самодержавным духом8*. В дальнейшем она настолько твердо стояла на том, что «мы не конституционная страна и не смеем

* Там же. С. 269.

** Там же. С. 336.

*** Там же. Т. 5. С. 79.

**** Там же. Т. 3. С. 347.

***** Там же. Т. 5. С. 152.

6* Кн. Палей. Мои воспоминания о русской революции // Февральская революция. М.; Л., 1925. С. 339.

7* Палеолог М. Указ. соч. С. 299; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1924. С. 170–174.

8* Падение царского режима. Т. 4. С. 273–274.

ею быть»*, что даже 1 марта 1917 г., окруженная в Царском Селе восставшими войсками, упрямо отказывалась подписать манифест о даровании конституции, составленный группой великих князей в безнадежной попытке спасти монархию**.

Но подобно тому, как Николай находился под влиянием Александры, так сама она полностью и безраздельно подчинялась влиянию Распутина, который еще в довоенные годы, а в особенности в период войны настолько активно вмешивался во все дела государственного управления, что в гораздо большей степени, чем Николай и Александра, мог претендовать на название действительного самодержца России.

Григорий Ефимович Распутин родился в крестьянской семье в селе Покровском Тобольской губернии в 1864 или 1865 г. С молодых лет он вел жизнь пьяницы, развратника и вора. Спасаясь от суда и от ненависти односельчан, он отправился в паломничество в Верхнетурский монастырь. В последние годы он совершил еще целый ряд паломничеств, и постепенно вокруг него в Покровском образовался религиозный кружок***. Уже современники считали религиозное учение, которое стал проповедовать Распутин, разновидностью хлыстовства. На той же точке зрения стоял и автор интересного послереволюционного психологического очерка, написанного с фрейдистских позиций, Н. Н. Евреинов****. Хлыстовское учение, сочетавшее в себе фанатичную, иступленную религиозность с повышенной чувственностью, переходившей в откровенный разврат, получило в начале XX века довольно значительное распространение в верхах российского «общества», особенно после того, как вслед за поражением революции 1905 г. дворянские и буржуазные круги стала захлестывать мутная волна «санинщины»*****. Поэтому, когда в конце 1904 г. Распутин, предшествуемый слухами о «сибирском старце», появился в столице, он сразу завоевал к себе внимание. Среди его поклонников (а больше — поклонниц) преобладали женщины, жаждавшие утешения от какого-нибудь горя, утешения, кото-

* Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 314.

** *Кн. Палей*. Указ. соч. С. 352.

*** Материалы ЧСК о Распутине // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 119–120.

**** *Евреинов Н. Н.* Тайна Распутина. Л., 1924.

***** *Санин* — герой одноименного романа М. Арцыбашева, близкого к откровенной порнографии.

рого они не находили в официальном православии*, а также искательницы острых ощущений, что позволяло многим считать, что «Распутин есть функция распутности некоторых дам»**.

Сразу по приезде в столицу Распутин, познакомившись с негласным духовником Николая и Александры Феофаном, был им представлен царской семье*** и сумел произвести хорошее впечатление. По некоторым данным, Распутин каким-то образом получил возможность утверждать в дальнейшем, что он предсказал рождение наследника****. Распутин быстро завоевал при царской семье такое положение, какого не добивался ни один из его предшественников, далеко затмив упоминавшегося выше Филиппа. Разыгрывая перед Николаем и Александрой роль «святого старца», «незабвенного учителя, спасителя и наставника», как называла его Александра*****, Распутин за пределами царского дворца вел разгульную жизнь, обирая, развращая и прямо насилуя своих поклонниц. Однако попытки открыть Николаю и Александре глаза на истинный характер Распутина неизменно кончались немилостью и отставкой для того, кто делал такую попытку6*. Постепенно отношение того или иного лица к Распутину стало для Александры критерием пригодности этого человека к государственной или придворной службе. «Не враг ли он нашего Друга, что всегда приносит несчастье», — писала она по поводу одного из кандидатов в министры7*. «Раз он, — писала она о великом князе Николае Николаевиче, — враг божьего человека, то его дела не могут быть успешны и мнения правильны»8*. «Преданный слуга, — формулировала она свое требование, — не смеет идти против человека, которого его государь уважает и ценит»9*.

Почувствовав «сильного человека», к Распутину потянулись просители, искавшие заступничества от чинимых им обид, аферисты, устраивавшие денежные дела, для которых нужна была «рука» в высоких сферах, карьеристы, мечтавшие о повы-

* Материалы ЧСК о Распутине. С. 123.

** Шувльгин В. В. Дни. Л., 1925. С. 78.

*** Материалы ЧСК о Распутине. С. 129–130.

**** Падение царского режима. Т. 4. С. 500.

***** Материалы ЧСК о Распутине. С. 131.

6* Там же. С. 132–133.

7* Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 207.

8* Там же. С. 218.

9* Там же. С. 219.

шении. Экзарх Грузии Питирим заплатил Распутину 75000 руб. за устройство перевода на митрополию в Петрограде*. Прославившийся своими махинациями директор Русско-Французского банка Д. Л. Рубинштейн, заплатив Распутину 50000 руб., устроил с его помощью дело, которое принесло Рубинштейну 300000 руб.** Еще более крупное дело сорвалось из-за убийства Распутин в декабре 1916 г. При обыске у одного из дельцов, некоего Воронина, был обнаружен черновик договора, по которому Распутин за проведение какого-то большого подряда на армейское снаряжение должен был получить около миллиона рублей***. Множество прошений попадало через руки Распутин к Николаю и Александру****, и хотя перед ними Распутин изображал себя бескорыстным ходатаем за неправедно обиженных, с каждого из просителей он брал плату, не гнушаясь и мелкими подношениями, вроде шубы и шапки, которые он получил за помилование большой группы дантистов*****. Все эти дела приносили большой доход, дававший возможность, не прибегая к царским деньгам и становясь перед Александрой в позу бессеребренника^{6*}, вести широкий образ жизни и даже заниматься напоказ благотворительностью^{7*}. По словам последнего личного секретаря Распутин, устроителя его денежных дел, А. С. Симановича, состояние Распутин после его смерти составляло не менее 300000 руб.^{8*}

От устройства темных дел Распутин, и в этом заключалось его отличие от предшественников, быстро перешел к открытому вмешательству сначала в назначение министров, а затем и в решение различных вопросов государственной политики. Еще до войны Распутин оказался причастным и к немилости, в которую впал перед смертью Столыпин, и к отставке Коковцова. Во время войны благодаря непосредственному вмешательству Распутин получили министерские посты А. Н. Хвостов, А. Д. Протопопов,

* Протокол допроса директора канцелярии обер-прокурора Синода В. И. Яцкевича // Красный архив. 1936. № 4 (77). С. 201.

** Выписка из данных наружного наблюдения за Распутиным // Красный архив. 1924. № 5. С. 285.

*** Падение царского режима. Т. 4. С. 474.

**** См.: Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 101, 285.

***** Падение царского режима. Т. 1. С. 24.

^{6*} Там же. Т. 4. С. 172.

^{7*} Там же.

^{8*} *Белецкий С. П.* Григорий Распутин. Пг., 1923. С. 70.

Б. В. Штрюмер, Н. А. Добровольский. Особенно внимательно следил Распутин за тем, чтобы посты министров внутренних дел и юстиции были в руках послушных ему людей. Близко знавший Распутина И. Ф. Манасевич-Мануйлов, полицейский агент, журналист и проходимец, следующим образом передавал рассуждения Распутина перед назначением Добровольского: «Кого назначить. Юстицу особенно трудно. Арошка (Симанович. — В. Д.) говорит про Добровольского. Говорит, что свой. Пойдет, куда хочешь. Сделает, что хошь. Я его видел. Был у него на Каменноостровском. Шустрый, в глаза не смотрит. Арошка рекомендует. Арошка и отвечает. Через два дня будет гумага»*.

Распутин постоянно вмешивался и в текущие дела государственного управления. Уже весной 1915 г. он стал обращать внимание Александры и Николая на продовольственное положение страны**, а вслед за тем на нехватку топлива в городах***. В октябре 1915 г. Александра писала Николаю об очередном разговоре с Распутиным: «Он в общем спокоен насчет войны, но другой вопрос Его сильно мучит, и Он в течение двух часов почти ни о чем другом не говорил. Дело в том, что ты должен приказать, чтобы непременно пропускали вагоны с мукой, маслом и сахаром. Ему ночью было вроде видения, — все города, железные дороги и т. д., — трудно передать Его рассказ, но Он говорит, что все это очень серьезно, — и тогда не будет забастовок»****. Разговоры на эти темы Распутин вел и с министрами: финансов П. Л. Барком и торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховским. После одного из таких разговоров Александра исхлопатывала у Николая внеочередной доклад для Шаховского, чтобы он мог сообщить о предложениях Распутина*****.

Распутин давал советы и по другим вопросам внутренней политики. Весной 1915 г. он очень предусмотрительно (хотя и тщетно) пытался предостеречь Николая от преждевременной поездки в завоеванные районы Галиции^{6*}, а в конце 1915 — на-

* Из протокола опроса И. Ф. Манасевича-Мануйлова // Красный архив. 1936. № (77). С. 208.

** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 160.

*** Там же. С. 299.

**** Там же. С. 405.

***** Там же. Т. 4. С. 322.

^{6*} Там же. Т. 3. С. 150.

чале 1916 г. активно содействовал возобновлению прерванных было работ Гос. Думы*, также, впрочем, как и ее роспуску летом 1916 г.** При этом он вполне реалистично оценивал обстановку с точки зрения интересов самодержавия. Распутин помогал Александре составлять ответы на телеграммы монархических организаций*** и советовал, как следует вести себя с тем или иным министром, чтобы держать их в руках****.

Большой интерес проявлял Распутин к военным действиям, то выражая беспокойство по поводу положения русских войск на румынской границе*****, то советуя начать наступление в районе Риги^{6*}, или интересуясь положением русской авиации^{7*}. Он решался давать советы даже по внешнеполитическим делам, и Александра пересылала Николаю проект телеграммы, которую Распутин рекомендовал послать сербскому королю^{8*}.

Любопытно сравнить график поездок Николая из Царского Села на фронт или в Ставку с графиком поездок Распутина^{9*}. Вернувшись в столицу после выздоровления (летом 1914 г. на него было совершено покушение одной из бывших поклонниц), Распутин выехал из Петрограда в себе в Покровское 5 ноября 1914 г., предварительно дождавшись возвращения Николая из поездки на фронт (Николай приехал 1 ноября). Пока Распутин отсутствовал, Николай еще раз успел поехать на фронт, и Распутин приурочил свое возвращение в столицу к 12 декабря, чтобы успеть дважды (15 и 17 декабря) переговорить с Александром и затем 19 декабря встретить возвращающегося Николая. В марте 1915 г. он на несколько дней съездил в Москву и заторопился обратно, чтобы успеть поговорить с Николаем перед очередной отлучкой царя. Из дневника Николая и писем Александры видно, что каждый отъезд или приезд Николая совпадал обязательно с личной встречей его с Распутиным. Летом 1915 г., как об этом будет идти речь в 3 главе, Николай был вынужден

* Там же. С. 476.

** Там же. Т. 4. С. 300.

*** Там же. Т. 5. С. 164.

**** Там же. С. 54.

***** Там же. Т. 3. С. 436.

^{6*} Там же. С. 459.

^{7*} Там же. Т. 4. С. 398.

^{8*} Там же. Т. 3. С. 387.

^{9*} См.: Там же. Т. 3–5.

пойти на временные уступки буржуазному общественному мнению и Распутину пришлось покинуть Петроград. Перед тем он дал последние наставления Николаю, отправившемуся в Ставку 10 июня, и Александре, с которой он встречался 12 и 14 июня, и лишь после этого уехал в Сибирь. В конце сентября, когда пора уступок прошла, Распутин вернулся, а Николай дожидался его приезда, чтобы переговорить с ним прежде, чем снова отправиться в Ставку. Во избежание конфликта при обсуждении в Думе сметы Синода Распутину еще раз пришлось покинуть столицу в марте 1916 г. и снова он вернулся в конце апреля перед очередным отъездом Николая. С апреля и по середину октября 1916 г. Николай безвыездно жил в Ставке, и теперь уже Распутин согласовывал свои отлучки из Петрограда с поездками в Ставку Александры, приспособливаясь так, чтобы иметь возможность встретиться с нею непосредственно перед и после ее свиданий с царем.

Зная, как относится общественное мнение к положению Распутина при дворе, Александра старалась скрывать свои встречи с Распутиным, а когда можно — обходиться посредничеством своей любимой фрейлины А. А. Вырубовой, вернейшей из распутинских поклонниц. Она писала Николаю, что Вырубова, еще не оправившись от ран, полученных в железнодорожной катастрофе, «почти ежедневно трясется на автомобиле в город и взбирается на третий этаж к нашему Другу»*. Но в наиболее ответственные моменты Александра, не полагалась на память Вырубовой (которую она за глупость в сердцах называла «коровой») и предпочитала встречаться с Распутиным сама. В трудные для царского правительства дни первой половины ноября 1916 г., когда оппозиция в Гос. Думе добивалась отставки председателя Совета министров Б. В. Штрюмера и изменения правительственного курса, встречи Распутина и Александры происходили почти ежедневно (3, 4, 5, 7, 9, 10 и 11 ноября). Это сухое перечисление дат, пожалуй, убедительнее всяких конкретных примеров свидетельствует о роли Распутина в управлении страной.

Естественно встает вопрос, почему же безграмотный мужик, развратник и пьяница пользовался таким громадным влиянием, и кто стоял за его спиной, давал ему необходимые сведения и советы.

* Там же. Т. 3. С. 461.

Важнейшие причины влияния Распутина коренятся не в нем самом. Он был самым удачливым, самым влиятельным, но не единственным проходимцем, приближенным к трону последних Романовых. Совершенно прав был депутат Гос. Думы М. Е. Скобелев, когда он заявил, что «распутиновщина в России явление закономерное, а должность штатная»*. Самодержавный режим России предоставлял возможность любому временщику, вошедшему в доверие и милость царской семьи, оказывать влияние на политику царизма, а мистицизм и редкостное по невежеству суеверие Николая и Александры предопределял тип людей, имевших шансы «попасть в фавор». Так оказались в поле зрения царской семьи шарлатаны Филипп и Папюс, юродивые Митя Козельский и Матрена-босоножка, и, наконец, «старец» Распутин. Но, разумеется, для того, чтобы приобрести такое влияние на Николая и Александру, которым он пользовался, Распутин должен был обладать качествами, выделявшими его из ряда подобных ему.

Современники искали объяснения во вздорных сплетнях о связи Распутина с Александрой и в слухах о гипнотических талантах Распутина. Бывший товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий утверждал, что в 1913 г. до него дошли сведения, будто Распутин берет уроки у одного из гипнотизеров. Белецкий заставил этого гипнотизера покинуть столицу, но считал возможным, что Распутин продолжал уроки у кого-нибудь другого**. Трудно сказать, полностью ли не обоснованы эти утверждения. Сильная воля Распутина не вызывает сомнений. Тот же Белецкий, считавший, что действием гипноза можно объяснить некоторые случаи «исцеления» Распутиным кое-кого из окружавших его истерических поклонниц, говорил о «страшно сильной его воле, которую он в себе воспитывал», и определял отношения Николая с Распутиным как «борьбу слабой воли с сильной волей»***. Сотрудник правой прессы А. А. Кон рассказывал Белецкому, как Распутин внутренне готовил себя к предстоящей встрече с Николаем: «Был сосредоточен, не пил, пошел в баню и заходил в церковь, где ставил свечи... дорогой сосредоточивал или концентрировал

* Государственная Дума: Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. С. 2296.

** Белецкий С. П. Указ. соч. С. 21.

*** Падение царского режима. Т. 3. С. 408.

в себе свою волю»*. Зная способность Николая подчиняться чужому влиянию и умея пользоваться этим, Распутин не любил поэтому долгих отлучек Николая и через Александру старался вернуть его в Царское Село. «Ты так долго опять отсутствуешь, а Гр. просил этого не делать»**, — этот мотив постоянно звучал в письмах императрицы к своему мужу.

Но, конечно, дело не сводилось только к сильной воле Распутина, сумевшего подавить волю и Николая, и особенно Александры. «Будучи, — по характеристике все того же Белецкого, имевшего возможность близко наблюдать всеильного “старца”, — разом и невежественным, и красноречивым, и лицемером, и фанатиком, и святым, и грешником, и аскетом, и бабником, и в каждую минуту актером», Распутин сумел выработать в себе «ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью»***. Это и дало ему возможность играть на мистицизме и суеверии Александры и, видимо, в меньшей степени, Николая. Его влияние первоначально основывалось на том, что он сумел вселить в императорскую чету уверенность, будто его молитва «творит чудеса, что она исцеляет больного наследника»****. «У нее, — говорил об Александре другой бывший товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, — была твердая вера, что если не будет Распутина, наследник умрет. Это была ее *idee fixe*»*****.

Следующим шагом было убедить Николая и Александру, что от Распутина зависит вообще вся их судьба и судьба России. Александра была вполне подготовлена к восприятию подобного рода идей. «Помнишь, — писала она Николаю в июне 1915 г., — в книге “*Les amis Dieu*” сказано, что та страна, государь которой направляется божьим человеком, не может погибнуть»6*. Полтора года спустя она вновь напоминала эти крепко засевшие в ее сознании слова7*. А в том, что именно Распутин является таким «божьим человеком», чья молитва «имеет особую силу»8*

* Там же. Т. 4. С. 448.

** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 225.

*** Падение царского режима. Т. 4. С. 500.

**** Материалы ЧСК о Распутине. С. 131.

***** Падение царского режима. Т. 5. С. 106.

6* Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 222.

7* Там же. Т. 5. С. 160.

8* Материалы ЧСК о Распутине. С. 130.

и которому «Бог все ... открывает»*, Александра не сомневалась ни на минуту. Отсюда вытекала ее уверенность в том, что «нужно только слушаться, доверять и спрашивать совета — не думать, что он чего-нибудь не знает»**, и что «на России не будет благословения, если ее государь позволит подвергать преследованиям божьего человека»***.

Александра не только затвердила это для себя, но и настойчиво внушала Николаю, проявляя особую нервность каждый раз, когда Николай обнаруживал склонность прислушаться к советам, исходившим из другого источника. «О, отдай себя под Его руководство!»**** — патетически восклицала она в июне 1915 г., когда Николай сбежал от Распутина и от нее в Ставку верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, чтобы осуществить некоторые шаги для успокоения буржуазного общественного мнения. А в критические дни декабря 1916 г. она писала, имея в виду тогдашнего премьера А. Ф. Трепова: «Ты... позволяешь ему руководить тобой, — а почему не нашему Другу, который руководит при помощи Бога?.. Слушайся меня, т. е. нашего Друга, и верь нам во всем»*****.

Положение человека, которому «Бог все открывает», требовало большой осведомленности. Поэтому Распутин стремился всегда быть в курсе политических и придворных новостей. В этом ему помогало умение вызвать людей на откровенность. «Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, не интересующимся никакими материальными благами человеком, вполне доверчиво идущим навстречу доброделю, так что многие искушенные жизненным опытом люди... составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрыть их карты»^{6*}. Искавшие его покровительства аферисты и карьеристы самых высоких рангов расплачивались не только деньгами, но и информацией. Так Белецкий сообщал Распутину «о лицах, интересовавших императрицу... и о событиях, останавливавших внимание двора», причем Распутин «записывал на бумажку

* Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 160.

** Там же.

*** Там же. Т. 3. С. 219.

**** Там же. С. 222.

***** Там же. Т. 5. С. 184–185.

^{6*} Падение царского режима. Т. 4. С. 281.

то, что останавливало более глубоко его внимание»*. Видимо, этими же причинами объясняется в значительной степени и постоянное стремление Распутина быть в курсе военных новостей. Получавший «непосредственно» от Господа Бога указания «старец» не гнушался услугами более реальных советников. Так, совет Александре совершить поездку по провинциальным госпиталям, который Александра не замедлила исполнить (так же, как некоторые другие советы), был подсказан Распутину Белецким и А. Н. Хвостовым**, а явное знание им продовольственных проблем Петрограда могло иметь источником тех многочисленных спекулянтов крупной и мелкой руки, которые вились вокруг царского любимца. Если ко всему этому добавить бесспорный природный ум Распутина, то не стоит удивляться, что он действительно высказывал «здравые суждения, которые не приходят другим на ум»***, тем более, что заявлявшая так Александра была не избалована обилием умных людей среди ее приближенных.

Вознесшийся высоко наверх и ходивший «по гостиным лучше, чем другой царедворец»****, Распутин сохранял и личное знание крестьянской психологии, и связи с крестьянской и мещанской средой, поэтому он мог правильнее оценить психологическое воздействие на широкие массы населения тех или иных правительственных распоряжений. В этой связи нам кажется, что М. Н. Покровский напрасно сводит вопрос о так называемых ратниках 2 разряда только к сыну Распутина*****. Спаси сына-ратника от призыва Распутин мог (и сделал это) в обход любых законов, но когда летом 1915 г. Распутин резко воспротивился призыву ратников 2 разряда (т. е. единственных сыновей и семьях) и предлагал вместо этого досрочный призыв новобранцев следующего года^{6*}, он учитывал именно реакцию крестьянской массы. Кстати сказать, не решившиеся высказать Николаю свое мнение министры также считали призыв ратников 2 разряда летом 1915 г. делом опасным и предпочитали обойтись без него^{7*}.

* Там же. С. 263.

** Там же. С. 306.

*** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 50.

**** Падение царского режима. Т. 3. С. 408.

***** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. XVI.

^{6*} Там же. С. 201.

^{7*} Архив русской революции. Т. XVIII. С. 38.

Вообще здравый ум и хорошая информация давали Распутину возможность правильно оценить обстановку, о чем мы в дальнейшем будем говорить в связи с рассмотрением конкретных событий.

Но, может быть, все же дело не в уме Распутина, а в том, что он служил лишь передаточной инстанцией, ширмой для какой-то группы политических деятелей, использовавших его для осуществления своего влияния на царскую чету? Это утверждал в своих мемуарах французский посол Морис Палеолог. Написанные для вящей убедительности в форме дневника, эти мемуары щедро приправлены домыслами, введенными ради преувеличения своей роли и осведомленности, а то и просто ради красного словца. Так обстоит дело и с утверждением Палеолога о политических советниках Распутина. Палеолог отнес к их числу И. Г. Щегловитова, Н. А. Маклакова и В. К. Саблера, занимавших с лета 1915 г. соответственно посты министров юстиции, внутренних дел и обер-прокурора Синода, Б. В. Штрюмера и Н. А. Добровольского, занимавших в 1916 г. посты председателя Совета министров и министра юстиции, дворцового коменданта В. Н. Воейкова и упоминавшегося уже С. П. Белецкого*. Неоспоримые свидетельства (важнейшим из которых являются письма Александры) показывают, что Щегловитов и Н. Маклаков не принадлежали к распутинскому окружению, не любили Распутина и не пользовались его расположением. Точно так же далеко не дружескими были отношения Распутина и Воейкова. Как мы видели, Добровольского Распутин узнал незадолго до его выдвижения на министерский пост, перед самой своей смертью. Незадолго до выдвижения в министры узнал Распутин и Штрюмера, и не Штрюмер руководил Распутиным, а Распутин Штрюмером [о чем речь будет идти в соответствующих местах нашей книги].

Материалы полицейского наблюдения и свидетельства близко знавших Распутина людей рисуют окружение Распутина, состоящее из лиц совершенно различных категорий. Это, во-первых, бесчисленное количество поклонниц, женщин из самых различных социальных слоев, от великосветских дам до низкопробных проституток**. Во-вторых, это столь же бесчисленные толпы

* *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 148–149.

** За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С. 12–13.

просителей и авантюристов, обдeldывавших с помощью Распутина свои дела. Среди них выделялись личный секретарь Распутина А. С. Симанович, спекулянт золотом и драгоценностями; агроном М. Д. Волынский, прославившийся еще в 1909 г. аферой с угольными шахтами, и И. Ф. Манасевич-Мануйлов*. В разное время близкими к Распутину оказывались и некоторые другие лица, вроде шарлатана «тибетского врача» П. А. Бадмаева или кн. М. М. Андронникова. Все эти люди могли рассказать Распутину что-либо его интересующее, дать отдельный совет (как Симанович посоветовал сделать министром Добровольского), но служить постоянными политическими руководителями Распутина они не могли, не потому даже, что большинство их было гораздо мельче Распутина (Бадмаев и Манасевич-Мануйлов были, однако, людьми умными и искушенными в политике), а потому, что у них просто не было политической платформы, которую они собирались бы проводить. Это была, как формулировал П. Н. Милюков, «организация большой шайки для извлечения денег всеми способами»**.

Третья категория близких к Распутину лиц — банкиры, среди которых первое место занимают И. П. Манус и Д. Л. Рубинштейн***. С его помощью банкиры осуществляли финансовые операции, требовавшие покровительства в высших сферах, и сотрудники петроградской контрразведки, занимавшиеся на шумевшим во время войны делом Рубинштейна, Доброго и др., имели основание говорить, что они, собственно, расследуют «операцию Распутина с сахаром»****. Банкиры преследовали и иные цели, и зимой 1915/16 гг. во время целого ряда встреч с Распутиным директором банков, по выражению Рубинштейна, «ковали» пост министра финансов для близкого к финансовым кругам А. Д. Протопопова*****, ставшего потом последним временщиком самодержавия. Общение с руководителями финансовой жизни страны несомненно не осталось бесследным для Распутина, недаром же грандиозные финансовые проекты неожиданно всплывают на страницах писем Александры к Николаю. Но есть ли

* См.: Падение царского режима. Т. 1. С. 23.

** Там же. Т. 6. С. 356.

*** Там же. Т. 1. С. 17, 19, 179.

**** Былое. 1924. № 21. С. 223–224.

***** Протокол допроса Рубинштейна // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 548. Л. 52–53.

достаточные основания считать кого-либо из банковских деятелей, в частности, как это делал В. П. Семенников, Мануса руководителем и вдохновителем Распутина? Единого кружка вокруг Распутина не было, да и не могло быть. Окружавшие его дельцы по самому характеру их деятельности «проводили через него крупные дела, действуя секретно друг от друга и следя один за другим, чтобы поддержать в Распутине постоянное чувство подозрительности»*. Что же касается конкретно Мануса, то, хотя он и платил Распутину за проведение его финансовых комбинаций**, их отношения были далеки от близости. Об этом свидетельствует Александра, прекрасно осведомленная о том, кто и как относился к почитаемому ею «старцу»***.

Для поисков политических руководителей Распутина большой интерес представляют рапорты о полицейском наблюдении за ним. 31 июля (1915 г. — *Сост.*) Распутин приехал в Петроград после полуторамесячного вынужденного отсутствия, вызванный Александрой для того, чтобы помочь убедить Николая сместить вел. князя Николая Николаевича и встать во главе армии, а также для того, чтобы вообще обсудить не нравившийся ей ход событий в стране. 4 августа Распутин, выполнив эту миссию, вновь покинул Петроград. С кем же встречался он в эти дни? С кн. М. М. Андронниковым (с ним он рассорился полгода спустя, а сейчас тоже относился с некоторым подозрением), с упомянутым выше М. Д. Волынским, с предшественником Симановича в роли личного секретаря уездным инспектором народных училищ И. И. Добровольским, банкиром средней руки А. Ф. Филипповым, энным количеством женщин и, разумеется, с Николаем и Александрой****. Что бы ни говорил Распутин Николаю и Александре во время этих встреч, ему не от кого было получить предварительные указания, он говорил от себя.

Можно предположить, однако, что в предшествующие годы Распутин успел пройти определенную выучку, причем учителем его был крупнейший государственный деятель царской России — гр. С. Ю. Витте. Близко знавший Распутина и его окружение

* *Белецкий С. П.* Указ. соч. С. 69.

** Протокол допроса Симановича // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 549. Л. 6.

*** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 31.

**** Рапорта о полицейском наблюдении за Распутиным // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 22. Л. 73.

Бадмаев в записке, составленной, вероятно, для председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, включил в «генеральный штаб Григория Ефимовича» А. А. Вырубову, ее родителей и сестру, семью поклонницы Распутина М. Головиной, некоторых других людей, явно не имевших оснований претендовать на влияние на Распутина, и наряду с ними — Витте*. Белецкий также считал, что «старца» ввели к Николаю Витте и известный реакционный публицист кн. В. П. Меццерский**, лично близкий к царю. Кстати сказать, с любовником и наследником Меццерского Н. Ф. Бурдюковым, о котором еще будет идти речь, Распутин продолжал сохранять постоянную связь. Наконец, бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов тоже считал Распутина креатурой Витте, оставшимся после его смерти без «хозяина», а потому не имевшим последовательной линии в политике***. «Школа» Витте сказывалась, в частности, в прочном чувстве недоброжелательства к Англии, когда Распутин откровенно радовался гибели английского военного министра Китченера****.

Самостоятельность Распутина вела к отсутствию в его действиях, в тех советах, которые он давал Александре и Николаю, подлинной политической программы. Наблюдатели, придерживавшиеся разных политических взглядов и в различной степени близко стоявшие к Распутину и ко двору, сходились в констатации этого факта. «Для него, — говорил о Распутине Белецкий, — не существовало идейных побуждений, и к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих»*****. К тому же выводу пришел и сменивший Белецкого в департаменте полиции Е. К. Климович. «Мне казалось, — говорил он, — что какой-нибудь организации влияющей нет, — это хаос, полный хаос... Засим то, что группировалось около Распутина, в широком политическом смысле политических целей оно, несомненно, не преследовало, а скорей преследовало цели чисто извлечения личных выгод»6*. Сходные впечатления вынес и П. Н. Милюков, считавший, что вмешательство Распутина в назначения

* За кулисами царизма. С. 12–13.

** Падение царского режима. Т. 4. С. 500.

*** Голос минувшего. 1923. № 2. С. 167.

**** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 289.

***** Падение царского режима. Т. 4. С. 281.

6* Там же. Т. 1. С. 73.

министров представляло собой «попытки взять политику в руки лично доверенных лиц, исключая, вообще, даже политические стремления, а просто вследствие постепенно растущего чувства небезопасности и потребности некоторой самообороны»*. В соответствии с этим Распутин, например, интересовался в вопросе взаимоотношений власти и Гос. Думы только тем, что говорят в Думе лично о нем**, и в ряде случаев даже советовал примирительные шаги в сторону Думы. Он активно добивался [удаления. — С. Ф.] архиправого министра А. А. Макарова, лично к нему не выказывавшего должного почтения, и способствовал назначению министром Н. А. Добровольского, взгляды которого в национальном вопросе характеризовались некоторым либерализмом. С точки зрения Распутина было «все равно — что права, что лева», «правы тоже дураки»***, и твердо налаженных отношений с черносотенными организациями у него не было. Он, правда, был в хороших отношениях с близкими к нему по духу черносотенцами А. И. Дубровиным, И. И. Восторговым, С. А. Кельцевым, В. Г. Орловым**** (впрочем, Распутин вряд ли был убежденным антисемитом), но руководители правых в Гос. Совете и Гос. Думе, включая известных черносотенных лидеров Н. Е. Маркова-2го и Г. Г. Замысловского, были резко враждебны по отношению к Распутину и уже в начале 1916 г. говорили о необходимости убить его*****.

Но сама по себе «потребность самообороны» была по сути дела политической платформой, поскольку положение Распутина зависело от сохранения незыблемым самодержавного строя. Не случайно даже просто перед созывом очередной сессии Думы приходилось во избежание скандала убирать Распутина из Петрограда. В числе постоянных требований либеральной оппозиции было устранение «безответственных влияний» на верховную власть, т. е. опять-таки в первую очередь устранение Распутина. Поэтому естественно, что он активно поддерживал Николая и Александру в их самодержавных убеждениях и оказывал содействие в этом правым деятелям. Так появлялись на свет телеграммы

* Там же. Т. 6. С. 356.

** Там же. С. 283.

*** Там же. Т. 2. С. 58–59.

**** Там же. Т. 4. С. 282, 289.

***** Там же. С. 364.

Распутину Николаю вроде: «Дума твоя, что хошь, то и делай. Какие там запросы о Григории. Это шалость бесовская»*, отсюда вытекали настойчивые призывы к твердости в кризисные дни лета 1915 г. и конца 1916 г. Когда Александре и Распутину в конце ноября 1916 г. показалось, что Николай склонен пойти на какие-то уступки, Распутин послал Вырубовой для передачи в Ставку, где находились в это время и Николай и Александра, ряд телеграмм, в которых умело играл на слабых струнках Николая. «Верьте, — телеграфировал он 25 ноября, — не убойтесь страха, словно языцы. Сдайте не свое маленькому в целости. Как от отца получил, так и его сын получит»**. Это был тот же мотив, который звучал и в письмах Александры — необходимость сохранить самодержавный строй ради «будущего бэби»***. В других телеграммах Распутин увещевал Николая слушаться советов Александры. Впрочем, возможно не только о ней, но и о себе, думал он, заканчивая очередное наставление словами «своих поддержите»****.

Повышенно тревожный тон последних распутинских телеграмм имел под собой и еще одно основание: он не мог не почувствовать, что его влияние на Николая начинает слабеть. За немногими исключениями***** все данные говорят о том, что влияние Распутина всегда было большим по отношению к Александре, чем к Николаю. Тем не менее Николай принимал наставления и «благословения» Распутина не только ради Александры. Вряд ли верна приписывавшаяся ему фраза — «лучше один Распутин, чем десять истерик в день»^{6*}. Но в то же время Николай был способен под чьим-либо влиянием взглянуть более трезво на художества «святого отца». В июне 1915 г. Джунковский представил Николаю доклад о пьяной оргии, учиненной Распутиным в московском ресторане «Яр». Видимо, к числу легенд относится рассказ, будто Николай передал этот доклад Вырубовой со словами: «Прочитайте и полюбуйтесь на своего кумира». Но не только Джунковский, но и сам Распутин засвидетельствовали, что

* Там же. Т. 4. С. 435.

** ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

*** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 153.

**** ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

***** См.: Падение царского режима. Т. 2. С. 5; Т. 4. С. 6.

^{6*} Шульгин В. В. Указ. соч. С. 70.

Николай после этого был сердит на Распутина, и последний до самой смерти не мог спокойно слышать имени Джунковского. Однако летом 1915 г. положение Распутина при царской семье было быстро восстановлено, и уже в августе Николай приказал заменить начальника петроградского военного округа генерала Фролова за то, что цензура пропустила в печать статьи о Распутине в «Биржевых ведомостях». В сентябре недолгая карьера А. Д. Самарина в качестве обер-прокурора Синода закончилась резолюцией Николая: «Нельзя служить человеку, так настроенному против императрицы и ее друга»*. В этой резолюции, однако, любопытно, что Николай назвал Распутина не своим другом, а другом Александры.

Приняв на себя в августе 1915 г. верховное главнокомандование, Николай стал большую часть времени проводить в Ставке, где его начальник штаба генерал М. В. Алексеев, как и другие военные, осторожно, но настойчиво старались противодействовать влиянию Распутина. Эти старания приносили некоторые плоды. В июне 1916 г., сообщая Александре о планах предстоящих операций, Николай просил ее: «Никому об этом не говори, даже нашему Другу»**. Это было новостью, поскольку раньше Распутину сообщалось о планах на будущее, чтобы он помолился об успехе. Просьбы сохранить военные планы в тайне от «нашего Друга» появлялись в письмах Николая и в дальнейшем. В сентябре 1916 г. Николай позволил себе сомнение в правильности выдвигаемой Распутиным кандидатуры в министры. «Мнения нашего Друга о людях, — ответил он Александре, — бывают иногда очень странными»***. Наконец, в ноябре Николай уже открыто взбунтовался и написал Александре с необычной твердостью: «Только, прошу тебя, не вмешивай нашего Друга. Ответственность несу я, и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе»****. По утверждению Протопопова, он разговаривал с Николаем в том же ноябре об отъезде Распутина на родину, причем «это было дело решенное»*****. В связи с охлаждением ца-

* РО ГРБ. Ф. 265. Кор. 125. Д. 22 (Рассказ П. Д. Самарина со слов А. Д. Самарина).

** Падение царского режима. Т. 3. С. 392; Т. 5. С. 104.

*** *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 213–214.

**** *Лемке М.* 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С. 80.

***** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 290.

ря к Распутину «старец» начал говорить о том, что он покинет царскую семью, когда наследник достигнет совершеннолетия, явно пытаясь сыграть на вечной боязни Николая и Александры за жизнь сына*. Из всего сказанного еще не следует, что звезда Распутина успела закатиться еще до его убийства. Но вполне правдоподобными выглядят в свете изложенного утверждения ряда лиц, видевших, по их словам, на лице Николая после убийства Распутина выражение облегчения**. Кстати сказать, никаких переживаний в связи с убийством Распутина не отразил и дневник Николая. Выехав 18 декабря из Ставки в Петроград, куда его вызвала потрясенная Александра, Николай ни словом не упомянул о причинах внезапного отъезда, а на следующий день записал: «Выспался хорошо. Мороз стоял крепкий. Все время в вагоне читал»***. Самодержец всероссийский не нашел других слов для прощания с человеком, столько лет простоявшим рядом с его тронном.

По степени влияния на царскую чету никто не мог даже в отдаленной степени сравниться с Распутиным. Ближайшее доверенное лицо императрицы, ее фрейлина А. А. Вырубова, дочь управляющего собственной канцелярией Николая А. С. Танеева, была глупа и находилась в полном подчинении у Распутина, который передавал через нее свои советы Николаю и Александре, когда не мог встречаться с ними лично. К ее посредничеству прибегали и другие лица, «потому что все, что ей скажешь, — как признавал Протопопов, — как через граммофон передавалось дальше»****. В ее «маленьком домике» в Царском Селе происходили встречи Александры с Распутиным и со многими другими людьми, которых почему-либо нельзя было принять официально. Хотя существовавшие слухи о связи Вырубовой с Николаем, к сожалению, повторенные в подложных «дневниках Вырубовой», опубликованных в середине 1920-х гг., не соответствовали действительности*****, взаимоотношения Николая, Александры и Вырубовой были достаточно сложными. После одной из размолвок

* Там же. Т. 5. С. 17.

** Там же. С. 146.

*** Падение царского режима. Т. 2. С. 319.

**** Там же. Т. 4. С. 505.

***** *Кн. Палей. Указ. соч. С. 343–344; Воейков В. Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936. С. 178.*

с Александрой в этой связи весной 1914 г. Вырубова попыталась проявить самостоятельный интерес к внутренней политике*, но, насколько нам известно, это свелось лишь к посредничеству между Александрой и Распутиным, с одной стороны, и А. Н. Хвостовым и Белецким — с другой.

Подобно тому, как Вырубова не разлучалась в Александрой, троюродный брат ее мужа В. Н. Воейков неотлучно следовал за Николаем, сопровождал его во всех поездках. Дворцовый комендант, обладавший огромной властью, женатый на дочери министра двора гр. В. Б. Фредерикса, почти единственный из окружавших Николая, с кем царь был знаком с юности**, известный Александре еще с ее первого приезда в Россию в 1889 г.***, Воейков пользовался немалым влиянием, пока между ним и Распутиным не произошло охлаждение, сразу отдалившее его от императрицы. После этого она стала предостерегать Николая против Воейкова, который «при своем властолюбии, крайнем честолюбии и самоуверенности постарается взять на себя обязанности, которые его не касаются»****. Тем не менее позиции Воейкова у Николая оставались прочными и он продолжал быть связующим звеном между царем и различными политическими деятелями, прибегавшими к его посредничеству*****. Наибольшую известность принесло Воейкову его стремление использовать близость к царю и связи в правительственных кругах для личного обогащения, навязывая в качестве обязательного товара ко всей железнодорожной торговой сети воду принадлежавшего ему минерального источника «Кувака». Неоднократные случаи перевозок «Куваки» в ущерб первоочередным грузам во время войны, когда транспорт работал с большими перебоями, привели в конце концов к крупному скандалу в Гос. Думе.

И еще один человек был достаточно близок к царской семье, чтобы служить передаточным звеном между нею и различного рода политическими и финансовыми кругами. Это был флигель-адъютант Н. П. Саблин. Человек недалекий, он в основном

* Дневник Николая II // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 93.

** Воейков В. Н. Указ. соч. С. 60; Кизеветтер А. Письма царицы // Современные записки. Париж, Т. XIII.

*** Падение царского режима. Т. 4. С. 464.

**** Воейков В. Н. Указ. соч. С. 38.

***** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 347.

использовался Александрой для разного рода поручений*, за исключением периода временного охлаждения из-за Распутина. В свою очередь он по поручению банкира Мануса** подсказал Александре идею выпуска железнодорожного займа***.

Из людей, не имевших доступа непосредственно к Николаю и Александре, но игравших видную роль в организации т. н. «безответственных влияний» на политику царизма, следует отметить двоих — кн. М. М. Андронникова и Н. Ф. Бурдюкова. Выходец из обедневшей грузинской семьи, князь Андронников был «в высшей степени предприимчивый, неразборчивый с средствах человек, который, благодаря своей крайней беспринципности, может быть довольно силен и пробираться туда, куда ни один порядочный человек не проберется»****. Умело втираться в приемные министров, выведывая придворные и министерские новости***** и разнося сплетни по всему «высшему свету», он становился и опасен, и нужен для каждого, кто хотел получить или сохранить какой-либо важный пост. У Андронникова не было политических убеждений, «мнения его о лицах, власть имущих, — вспоминал крупнейший банковский деятель России А. И. Путилов, — основывались вовсе не на том, считал ли он их деятельность полезной или вредной, а зависели исключительно от его личных с ними в данный момент отношений»6*. Однако влияние его было настолько велико, что когда владелица дома, в котором Андронников снимал квартиру, превращенную им в «салон» гомосексуалистов, попробовала выселить такого малоприятного жильца, то для того, чтобы помешать ей сделать это, министр внутренних дел А. Н. Хвостов издал специальное постановление, лишавшее домовладельцев права выселять квартирантов во время военных действий7*. Особенно близок был Андронников к Воейкову и обер-гофмейстеру матери Николая кн. Г. Д. Шервашидзе8*. Наибольший расцвет его влияния

* Падение царского режима. Т. 2. С. 287; Союз русского народа: По материалам ЧСК. М.; Л., 1929. С. 80.

** Материалы ЧСК о Распутине. С. 95.

*** Там же. С. 96.

**** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 222.

***** Падение царского режима. Т. 1. С. 74.

6* См.: Материалы ЧСК о Распутине. С. 97–98.

7* Там же. С. 99.

8* Падение царского режима. Т. 4. С. 234.

приходился на вторую половину 1915 г., когда он содействовал выдвижению А. Н. Хвостова в министры. Но после того, как Андронников оказался замешанным в планы Хвостова убить Распутина (ограничившись, впрочем, отравлением распутинских кошек)*, его позиции пошатнулись и ему дважды приходилось в принудительном порядке покидать столицу.

Ненавистник и соперник Андронникова Н. Ф. Бурдюков был фигурой более определенной. Бурдюков унаследовал от кн. Мещерского не только его деньги**, но и взгляды. Опытный журналист, бойко владевший пером, он составлял речи и письма для А. Д. Протопопова***, сам писал записки Вырубовой и для передачи Александре****, а в январе 1917 г. добился с помощью Протопопова личной аудиенции у Александры*****. Он был тесно связан с банковскими кругами (главным образом с Манусом)^{6*} и занимался проведением коммерческих дел. Однако, главная роль его заключалась в том, что он был одним из основных связующих звеньев между Распутиным и наиболее серьезным и влиятельным кружком правых — кружком Римского-Корсакова.

Кружки правых занимали довольно видное место в политической кухне царской России, группируясь вокруг лиц, входящих в «высшие сферы», и служа центрами, где политические деятели встречались с представителями финансовых кругов, а также и с откровенно уголовными элементами. Одним из таких кружков был салон баронессы Е. М. Розен, который посещали великие князья, министры царского правительства Н. А. Добровольский и М. А. Беляев, и наряду с ними шантажист и спекулянт Б. М. Ржевский, «фешенебельные куртизанки» и прочий «странный элемент»^{7*}. На квартире «тибетского врача» П. А. Бадмаева встречались Распутин, Протопопов, Белецкий, последний столичный градоначальник П. Балк и генерал П. Г. Курлов^{8*}, организатор расстрела демонстрации в Минске в 1906 г., человек, над которым тяготело

* Там же. С. 242.

** Там же. Т. 1. С. 43.

*** Там же. С. 20.

**** Там же. Т. 2. С. 306, 318.

***** Там же. Т. 3. С. 247.

^{6*} Я. Н. Ростовцев — А. Д. Протопопову 17 января 1917 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 1165. Л. 237.

^{7*} Падение царского режима. Т. 1. С. 17.

^{8*} Там же. С. 48.

подозрение в причастности к убийству Столыпина, фигура, неприемлемая даже для царской бюрократии. В этом кружке возникла и затем через Распутина была осуществлена идея выдвижения в министры внутренних дел старого пациента Бадмаева — Протопопова. В кружке Бурдюкова собирались Н. А. Маклаков, Протопопов и ряд других правых деятелей, в том числе продолжатель журнала кн. Мещерского «Гражданин» П. Ф. Булацель, реакционный профессор-экономист П. П. Мигулин и др. Здесь состоялось знакомство Протопопова с Римским-Корсаковым*.

Кружок, возглавлявшийся сенатором, а затем членом Гос. Совета А. А. Римским-Корсаковым, возник осенью 1914 г. и объединил виднейших лидеров правых в Гос. Думе и Гос. Совете**. Вскоре после образования кружок перебрался в салон Б. В. Штрюмера, где еще более разросся, включив в свой состав бывших или будущих министров А. А. Макарова, Н. Б. Щербатова, гр. А. А. Бобринского, лидеров «союза русского народа» Н. Е. Маркова, Г. Г. Замысловского и В. П. Соколова, председателя Совета объединенного дворянства А. П. Срукова, товарища министра внутренних дел кн. В. М. Волконского, С. П. Белецкого, лидера националистов в Гос. Думе Д. Н. Чихачева и др. Для связи с провинцией Штрюмер приглашал на заседания приезжавших в Петроград губернских предводителей дворянства и губернаторов, видных церковных деятелей. Перед каждым заседанием кружка, собиравшегося еженедельно, Штрюмер по телефону сообщал его членам повестку дня и испрашивал разрешение пригласить кого-либо из новых лиц. Чтобы не стеснять себя в выражениях, члены кружка не допускали на свои заседания министров, входивших в состав существовавшего кабинета, и Н. А. Маклакову, когда он заинтересовался мнением кружка по какому-то вопросу, пришлось дожидаться окончания прений «в числе личных знакомых жены, собиравшихся в соседней с залой приемной гостиной супруги Б. В. Штрюмера». Решения кружка доводились затем до сведения председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, гр. Фредерикса и других министров правого направления и отражались на их действиях. Участники кружка стояли, особенно в национальном и религиозных вопросах, на крайне реакционных позициях, с которых даже деятель-

* Там же. С. 13; Т. 2. С. 67; Т. 4. С. 60.

** Там же. Т. 3. С. 164; Т. 4. С. 485.

ность обрусителя завоеванной Галиции гр. Г. А. Бобринского казалась «либеральной».

Из кружка Римского-Корсакова — Штрюмера раздались в конце 1915 г. голоса, требовавшие «поворота курса государственной политики» в сторону отказа от всяких уступок буржуазной обществу. После назначения Штрюмера председателем Совета министров руководство кружком вновь перешло к Римскому-Корсакову, а в состав его вошли потерявшие к тому времени свои министерские портфели Щегловитов и Н. А. Маклаков*. В конце 1916 г. в этом кружке разрабатывались планы реакционного заговора, о которых будет идти речь в соответствующей главе. Эти планы через Протопопова, Щегловитова, последнего премьера кн. Н. Д. Голицына попадали к Николаю, а через Бурдюкова и Бадмаева — к Распутину**. Связь Распутина с Бурдюковым и через него с Римским-Корсаковым и К° не опровергает нашего утверждения об отсутствии за спиной Распутина руководящего им политического кружка. Распутин отрицательно относился и ко многим членам кружка, и к ряду исходивших от группы Римского-Корсакова предложений. Так, передавая план усиления группы правых в Гос. Совете, Распутин, по словам Манасевича-Мануйлова, говорил: «Я эту бумажонку отдаю, но руку не прикладываю, пусть они, — т. е. царица, — решают, как хотят. Я руку не прикладываю потому, что правые тоже дураки. Все равно они ничего не сделают»***. Однако в тех случаях, когда Распутин не выступал открыто против, у кружка Римского-Корсакова было, как и в случае с изменением состава Гос. Совета, достаточно сил и влияния, чтобы настоять на своем.

Итак, Распутин, его агенты или его соперники (вроде Воейкова) из ближайшего окружения царской семьи и немногочисленные кружки правых — таково было то «невидимое», но всем хорошо известное правительство, которое часто оказывало гораздо большее влияние, чем официальные власти, на работу насквозь проржавевшего механизма, именовавшегося Российской империей.

* Здесь и ниже: Там же. Т. 4. С. 382–386.

** Там же. Т. 2. С. 428; Т. 3. С. 89.

*** См., напр.: Там же. Т. 2. С. 57–59.